

РЕЦЕНЗИЯ

на литературное творчество Кривошеева Глеба Сергеевича

Кривошеев Глеб Сергеевич является активным членом молодежной литературной студии «Творческий фонарь», работающей в Старом Осколе с 2013 года.

Творчество Глеба Сергеевича отличается продуманностью сюжетов и деталей, реалистичностью описаний, образностью, эмоциональностью. Небольшой по объему рассказ – «Помни, враг подслушивает!» повествует об одном дне военного связиста в годы Великой Отечественной войны. Тема, казалось бы, описанная много раз, но автор смог внести в произведение собственный взгляд на давние события. Мысли его героя о детях, играющих в войну, наполнены горьким осознанием того, что детская игра формирует в душах играющих жестокость, представление о войне, как об интересных, завлекательных приключениях. Открытый финал рассказа, что свойственно не каждому даже зрелому писателю, предоставляет читателю самому придумать концовку, драматическую или оптимистическую.

В рассказе «Ответы меняют жизнь» не слишком удачливый герой выполняет свою ежедневную работу: фотографирует для газеты. Но его желание найти как можно более наполненные, интересные снимки, осмысление угнетающих картин заброшенной деревни, развалин православного храма, талантливо описанных автором, наводят героя на вопросы, ответы на которые он находит в старых руинах, и они незаметно меняют его взгляд на жизнь. Обложка от Библии, взятая им в руки – словно портал в прошлое. Герой внутренне видит людей, некогда молящихся в этом храме, их устремления, такие разные просьбы к Богу. Глубоко философский смысл рассказа заставит читателя задуматься и о своей жизни, о том, что останется после него на земле.

Та же тема жизненной цели и в рассказе «Violin». И здесь автор удачно передает образы героев, их эмоции, рисует картинку их внутреннего мира и мыслей, подводя читателя к выводам о необходимости найти свое место и свою цель в череде тусклых будней, чтобы жизнь стала наполненной и яркой. Рассказы Глеба не назидательны, они проникают в сознание читателя простыми словами и событиями, и, возможно, помогут кому-то в трудной ситуации.

Стихотворения Глеба Сергеевича также наполнены глубоким философским смыслом, обдумыванием давних исторических событий с точки зрения молодого человека нашего времени, эмоциональны и образны.

Глеб Сергеевич активно участвует в литературной жизни города и области. В 2018 году он стал победителем четвертого регионального конкурса молодых дарований «Любимцы музыки», проходящего в Старом Осколе, получив гран-при – издание небольшой книги.

В созданном при белгородском отделении Союза писателей России Совете молодых литераторов Глеб Сергеевич выбран координатором по Старооскольскому городскому округу, является членом редколлегии готовящегося к изданию молодежного альманаха.



*Ольга Филиппова (Стригуновская),
член Союза писателей России,
руководитель молодежной
литературной студии «Творческий фонарь»*

Репертуарный список

1. Прозаические произведения:

1.1. Ответы меняют жизнь

1.2. Помни, враг подслушивает!

1.3. Violín

2. Лирические произведения

2.1. Карфаген

2.2. На Север!

2.3. Для чего люди в мире нужны?

2.4. Почему люди только плачут?

ОТВЕТЫ МЕНЯЮТ ЖИЗНЬ

– Докурил? Давай, Дим, поехали уже, – недовольно буркнул Андрей.

Откинувшись, он сидел в подгнивающем УАЗике и ждал, пока коллега насладится табачным дымом сполна. Прохладный ветерок поздней осени проскользнул в приоткрытую дверцу, пробежался по салону автомобиля и сквозняком прыгнул в оконную щель. Руки мужчины дрожали.

Ему искренне хотелось скорее приехать, сделать десяток-другой хороших фотографий для областной газеты и вернуться в уютный офис с обогревателем, старым железным другом. В такое время года начинаешь жалеть, что согласился работать фотографом.

– Да погоди ты! Дай хоть немного передохнуть. Не куришь, так хоть другим не мешай. А то напишу в какое-нибудь общество по защите прав курящих или что-то в этом роде, – он замолчал и снова затянулся. – Тьфу, испортил всё удовольствие, чтоб тебя! – недокуренная сигарета полетела в осыпавшиеся кусты. – Сажусь уже, дверь закрывай.

– Я тебе помешал? Ну, курил бы дальше...

– Ничего ты не понимаешь! Этот уникальный момент: когда стоишь, выдыхаешь столбик дыма и смотришь на горизонт... Чувствуешь, что и жизнь хороша, и жить хорошо! Вольно жить, просторно! А ты: «Докурил? Поехали уже». Не чувствуешь, что ли, важность момента? Не всё в объектив засунешь.

Кряхтя своими железными внутренностями, машина тронулась: затарахтел мотор, стрелки забегали по циферблатному полю, перескакивая мелкие чёточки, словно прыгуны на полосе препятствий. Картинка за автомобильным стеклом начала перелистываться, как альбом с фотографиями, да только фотографии были однообразными. А чего стоило ожидать? По дороге в заброшенную деревню не на что особо насмотреться: справа – поле, слева тянулся небольшой лесок, а впереди лишь грязное подобие дороги.

Андрей стал разглядывать мелькающие деревья. Ветер качал ветви из стороны в сторону, мелкий дождь падал на редкие пожелтевшие листочки, заставляя их прогибаться. Шустро проскочила белка. Вот она поравнялась с автомобилем, спрыгнула на землю и юркнула вглубь чащи. И словно не было никакого зверька, снова одни лысеющие деревья. Снова пустота и однообразие.

Руки потянулись к фотоаппарату. Зачем? А просто так, по привычке. Готовность в любой момент запечатлеть нечто интересное, поразительное, волнующее – вот та самая профессиональная черта каждого фотографа. Они спаяны с реальностью, стараются в меру своих возможностей находиться везде и сразу, и именно это стремление делает человека сподвижником мгновения.

– Далеко ещё ехать?

– Сейчас здесь свернём, в конце лесополосы, и должны уже увидеть деревню... да вот и она! – напарник резко свернул налево. Вдали показались покосившиеся крыши и склонившиеся линии заборов. – Отправили в глушь такую, на кой им сдалась эта деревня?

– Мы вопросы не задаем.

– И не говори...

Двигатель замолчал. Всё стихло, и даже мелкий дождь перестал исполнять свою скорбную песню. Исчезло понятие времени, вся вселенная замерла в один миг. Чудо? Вряд ли. Но в воздухе витала благодать, искрилось чувство чего-то позабытого, отжившего и брошенного. Два человека остались один на один с прошлым, а такие встречи никогда не проходят бесследно для души. А есть ли душа? Несомненно, есть! Но в этой суматохе быта её так сложно ощутить, в неё так сложно поверить... Да поверим ли?

Андрей вышел из машины и хлопнул дверью. Он стоял на опустевшей, некогда центральной улице деревни, ботинки утопали в растянувшейся луже. Предстояла нелёгкая работа – сделать уникальные, неповторимые фотографии, способные тронуть читателей областной газеты.

Одно дело – когда снимаешь красивые пейзажи, влюбленные пары или бунтующие толпы на митингах. Вот там – краски: шикарные склоны, влюбленные взгляды, поникшие, словно живые, деревья, перекошенное в возмущении единое лицо толпы! А если нужно запечатлеть повалившиеся дома, отсыревшие фасады и в труху гнилые ставни? Именно в таких ситуациях проявляется профессионализм.

Он поглядел вокруг, ничего интересного: одна широкая улица с небольшими ответвлениями. С каждой стороны расположились домики разного размера. Полоса деревянного забора повалилась на землю, рядом лежали пластиковые бутылки, мотки проржавевшей колючей проволоки. Завершалась улица полуразрушенным деревянным храмом.

– Ну, давай, с этого ракурса сделай две фотографии улицы и храма поближе, поехали уже, – напарник снова закурил и, одной рукой опершись на капот, смотрел куда-то вдаль.

– По самим домам тоже нужно пройти. А то вернемся с такими фотографиями, Дим, сам понимаешь, не поленятся второй раз отправить кататься.

– Ой, честный работничек тут нашелся! Раньше бы уехали, кофе чашечку прогнали проездом в приятной обстановке. Я и ларёк по пути знаю хороший. Нет бы, согласиться, а там...

Но Андрей уже не слышал коллегу и мелкими шажками направлялся к первому дому. Выглядел он нелепо: его грузные ботинки, забавно смотревшиеся на тонких ногах, оставляли глубокие следы в сочной и чёрной земле, джинсы, больше его размера, нелепо болтались на поясе, а молния на поношенном плаще то и дело расстёгивалась, желая простудить своего владельца. Это вынуждало Андрея периодически поправлять замок. Лицо у него было исхудалое, с вечно потерянным взглядом, а плохо вымытые волосы собирались в небольшую косу. Так, сгорбившись под тяжестью висящего на шее фотоаппарата, он вошел в сырые внутренности дома. Вместо старой резной мебели, обветшавших книг и посуды советской эпохи, на которые рассчитывал Андрей, показалась разруха: на полу растекалось разноцветным пятном месиво из разодранных тряпок, порыжевшего поролона и стальных пружин матраса. Со стен свисали куски прилипших газет. Сквозь щель в треснутой раме гудел ветер. Дрожащей от холода рукой он снял крышку с

фотоаппарата, прильнул к видоискателю, сделал пару снимков и с чувством выполненного долга направился в другую, примыкающую комнату. Это оказалась кухня, и здесь было куда больше интересного. В углу монументом прошлого стояла старая русская печка. Её белые стены покрылись чёрным налетом плесени, а на лежанке валялись тканевые огрызки, бывшие некогда одеялом. У противоположной стены распластались обломки серого стола, из-под груды обвалившихся полок выглядывала пожелтевшая клеёнка. Осколки старых тарелок, гранёных стаканов и зелёных пивных бутылок валялись повсюду, словно конфетти. И среди этого беспорядка выделялась красная книжица. В погоне за прошлым Андрей метнулся к заветной корочке, это было «Пенсионное удостоверение члена колхоза». В надежде узнать имя и фамилию владельца фотограф открыл документ, но чернила выцвели, а уголки погрызли мыши.

На мгновение показалось солнце и озарило комнату. Что-то зашумело. Андрей со страхом обернулся, сжав свой фотоаппарат: звук исходил из недр печки. Парень замер в углу, направил объектив и стал ждать. Вдруг из темноты топки показалась рыже-черная лапа и спряталась вновь. Кто-то фыркнул. Через какое-то время из печки показалась мордочка лисы: на её шерстке виднелись частички копоти, глаза отблёскивали на солнце. И в этот неповторимый момент, когда солнечные лучи падали белыми полосами на грязную печку, животное зевнуло! Отличный кадр!

Тут сонная лиса очнулась, увидела направленный объектив, судорожно дёрнулась и юркнула к выходу. Но он не расстроился. Роль фотомодели животное выполнило на «отлично». Поправив в очередной раз свой плащ, Андрей двинулся к выходу и столкнулся в дверном проёме с курящим коллегой.

– Ты что здесь застрял? – он выдохнул, и клуб дыма окутал Андрея. – Я до тебя докричаться не могу! Давай, шуруй в церковь, мне осталось тут пяток домов обежать, и всё. Материала выше крыши. Буду ждать потом у машины.

Он исчез так же неожиданно, как и появился.

Снова по улице засеменяла сутулая фигура фотографа. Старые дома разглядывали распахнутыми глазами-ставнями этого человека. Когда-то здесь была жизнь: лаяли собаки, кудахтали куры, беззаботные дети играли в «съедобное-несъедобное», а старики пели тягучие и приторные, словно мед, песни. Андрей этого не видел, но ощущал всем сердцем. Чувствовал монотонное дыхание собаки, бежавшей некогда по улице, ржание уставшей от ноши старой клячи. Как писал Некрасов:

Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.

Он вновь поправил плащ. Слева показались руины колодца и повалившийся сарайчик. Кому он мог принадлежать? Есть сарай – были плотники. Какая деревня без плотника! С такими мыслями он остановился у храма.

Некогда высокое здание потеряло своё величие. Центральная часть рухнула, купола смешались в единое целое, некоторые кресты криво торчали из груды балок и досок. Один крест лежал плашмя, и что удивительно, идеально ровно. Он верхушкой, словно стрелка, указывал на темноту входа. Андрею понравился этот кадр, мелькнула вспышка фотоаппарата.

Он не был религиозным. Он вообще предпочитал не думать о религии. Думать – значит задаваться вопросами. Вопросы приводят к ответам. А ответы меняют жизнь.

А вера?

«Не всегда нужно знать, порой надо просто верить», – часто слышал он от матери. Вот уже четыре года как эти слова не звучат эхом в его голове. Да и не мог он их принять. Забитый сверстниками в школьные годы, обманутый приятелями, осмеянный дородной соседкой со следами псориаза на лице... Не привык доверять, а следовательно, и верить. Мстительным и озлобленным он, конечно, не стал. У таких людей нет силы на злобу. Его душа прониклась смирением, но не христианским, а тоскливо-страдающим. С таким чувством ждут близкого человека, заранее зная, что он не придет. На его лице всегда читалось единственное слово: «Никто». Когда человека обзывают даже самыми грязными словами, это не так страшно. Гораздо страшней, когда он отождествляется с пустым местом. Это приговор. Жизненная недееспособность. Инвалидное кресло на ржавых колесах.

Но Андрей жил, и весьма сносно. Старая квартирка в центре города, полупустой холодильник, облезлый лакированный шкаф, на хиленькой полке – любимые книжки Чейза, Донцовой и Стаута. После школы в его руках не было русской классики, она приносила боль и рефлексию, а это уже слишком большой груз. Когда-то ему знакомые посоветовали почитать романы Достоевского. Будучи читателем неопытным, в библиотеке он взял «Бесов». После книги все потеряли Андрея на неделю. И ведь никто не знал, что он чуть не последовал Матрёшину примеру. Шкаф он продал. Руки моет только с жидким мылом.

Войдя в храм, он ничего не ожидал, ничего не искал. Просто надеялся сделать пару хороших снимков, качественно выполнить свою работу. И ведь было что запечатлеть. Крыша провалилась. В груды балок, досок и пыли можно было различить остатки деревянных куполов, цветные щепки. Лучи солнца пробивались сквозь обвалившийся потолок. Свет падал на единственный в этой куче, слегка покосившийся, но целый крест: он стоял, словно атлант, расправивший плечи. Нижняя перекладина была обломлена. Секунда – и щёлкнул объектив.

Но одной фотографии мало. Переступая через обломки проморенных досок, Андрей обошел препятствие и очутился рядом с остатками иконостаса. Деревянным скелетом возвышался его каркас, самих икон уже не было видно: вместо одних – сквозные дыры, другие были с трудом различаемы. Правая створка Царских врат лежала у входа, а левая криво висела на единственной нижней петле. Костлявыми пальцами Андрей дотронулся до уцелевших образов. Не сильно

разбираясь в иконах, он все же нашел Спасителя и Богородицу. Выцветшие, они были такими тусклыми, местами осыпалась краска, отлетели щепки. Но кто знает, сколько лет их лики озаряли своим теплом стены этого образца деревянного русского зодчества?

Сколько людей смотрело с надеждой в их глаза, в их тёплые, добрые, сопереживающие лица? Сколько молитв, прорастающих из самого сердца человеческого, стремилось к их ликам, словно цветы к солнцу? Много ли детских, особенных надежд услышали эти иконы?

Вот они! Все, все перед Андреем, словно живые! В углу стоит на коленях плотник: суровый мужчина в белой праздничной рубашке и с окладистой бородой. Подвыпивший, он грязно обругал сына, и кается в грехе великом своём. Рядом, протягивая руки к Андрею, словно живая, рыдает старушка в тёмной шали. Сухими руками она трёт глаза, крестится и перебирает губами какие-то молитвенные слова, а рядом с ней маленькая девочка держит жёлтый клочок бумаги. Похоронка от 15 сентября 1942 года. В центре отрешённо стоит девушка в лёгоньком платье. Голова её опущена, она не крестится. Не плачет. Не улыбается. Её честь попорана, в душе – борьба с грехом, с ужасным желанием утопиться. Есть здесь и счастливые лица, их много, но большие радости всегда оттеняются даже маленьким людским горем.

Молодая пара замерла у входа – после долгих молитв у них будет ребёнок! Седовласый старик серьёзно совершает крестное знамение, но за этой строгостью лица скрывается почти детская радость – у его коровы появился телёнок, будущее видится ему счастливым! Молодой парень без ноги, прислонившись к стене, печально улыбается: он рад, что вернулся с войны, но мысли о погибших товарищах внушают ему чувство вины. И эта скорбная радость сжимает его сердце! Люди приходят и уходят: молятся, плачут от горя и радости, причитают и стоят, понутив голову. Люди разных эпох и разного уклада жизни. Их судьбы как на ладонях. В горестях и радостях их объединила вера.

Андрей глядел на освещённый солнцем крест. Эти люди как внезапно возникли в его мыслях, так внезапно и растворились в воздухе. Но он не хотел думать. Он не хотел верить. Поэтому, сделав ещё несколько фотографий иконостаса, покосившейся створки ворот, обрушившейся крыши, молодой человек направился к выходу. Но, видимо, храм не хотел его отпускать.

Шаркая ногами по поросшему блеклой широколистной травой и заваленному мелким мусором полу, он обо что-то споткнулся: перед глазами лежала твёрдая коричневая обложка Библии. Самой книги не было, быть может, ветер разбросал лёгкие страницы, а вот обложка осталась. На внутренней стороне ютились кривые буквы, явно написанные в спешке. С трудом удалось прочесть: «Моему сыну от матушки Катерины Федоровны. Читай с верой и добрым помыслом. Эта книга тебя спасёт. Служи достойно нашей стране».

Андрей положил Библию на прежнее место, надписью вверх. Сухие костлявые руки вновь коснулись фотоаппарата. Вспышка. Щелчок. Один, другой, третий. Его указательный палец застыл на красной кнопке, и уже семнадцатый снимок сохранялся на карте памяти.

– Ты чего застыл? – голос Дмитрия привел его в чувство, поток снимков прекратился.

– Я, да... ничего. Вот, уже заканчиваю.

Напарник косо посмотрел на него и вышел.

Андрей нервными движениями закрутил крышку фотоаппарата, схватил остатки Библии, подскочил и засеменил за Дмитрием.

И вот они уже в машине. Автомобильная печка нагоняла тёплый воздух, тарахтел двигатель, солнечные лучи слегка нагревали приборную панель. Коллеги обменялись фотоаппаратами и смотрели снимки друг друга.

У Дмитрия все снимки были отличными, он работал не первый год: поразительная игра света, идеальный ракурс, удачные композиции... Всё было настолько хорошо, что становилось скучно. Но для газеты – то, что надо. И Андрей понимал это.

Дмитрий с задумчивой улыбкой глядел на фотоаппарат Андрея. Быстро пролистал итоги походов напарника.

– А с лисой – достойно. Отличный момент, думаю, попадёт на первую страницу. Но зачем семнадцать снимков обложки Библии – не пойму. У тебя же с самого первого раза всё удачно получилось.

Андрей пожал плечами, достал свою находку и принялся снова разглядывать надпись: «Читай с верой и добрым помыслом. Эта книга тебя спасёт».

– Эта книга тебя спасет, – вырвалось шепотом из его губ.

– Вот оно что! А я всё думал, как мне тебя назвать хочется. – Дмитрий засмеялся, тронулся и переключил передачу. – А вот сейчас – осенило! Блаженненький ты! Ха-ха-ха! И не знаю почему, но всё в тебе такое... всё в тебе в пору к этой обложке. И семнадцать снимков... вот откуда ветер дует! Эх, не думал, что ты верующий. Впрочем, таким, как ты – это только на пользу.

Но Дмитрий ошибался. Андрей ещё не верил, и неизвестно, уверует ли. Это просто обыденная рабочая поездка, а не перерождение человека: всего лишь снимки, всего лишь остатки книги. Но он начал думать! Думать – значит задаваться вопросами. Вопросы приводят к ответам. А ответы меняют жизнь.

ПОМНИ, ВРАГ ПОДСЛУШИВАЕТ!

Константин, телефонист 13-й гвардейской стрелковой дивизии, сгорбившись, сидел на табурете. Эта ночь не давала покоя. А ведь так хотелось вздремнуть! За последние сутки он исправил двадцать два повреждения линии связи, и до сих пор ему не удалось сомкнуть глаз. Двадцать два выхода. Двадцать две возможности не вернуться. Но каждый раз судьба приводила его обратно к сослуживцам, к суматохе и приятному огню буржуйки.

Глаза слипались. Никто в блиндаже не спал. Вялой рукой он ударил себя по щекам и усталился на окружающих: Ваня, маленький и жилистый парень, сидел в углу и наматывал портянки на раненую ногу, бородатый суровый Степан разговаривал с Бекон, смуглым татаринном, о его родном ауле, а Миша сосредоточенно сидел у телефонного аппарата, сегодня была его очередь передавать сообщения к 42-й ГСП. С крышки полевого телефона отблещивала железная пластина «Помни, враг подслушивает», ставшая настолько знакомой за многие годы, что маячила даже во сне. То и дело слышался голос напарника: «Повторяю, приём, наша позиция...» и уже по привычке в такие моменты ныли пальцы, зажимавшие разговорный клапан. «Приём», «слушаю», «так точно», «повторяю» - Константину казалось, что весь он состоит лишь из этих слов: они плыли по его венам, пронизывали его тело насквозь. И каждая капля крови в сосудах словно твердила ему: «Помни, враг подслушивает! Помни, враг подслушивает! Помни, враг...».

Это было невыносимо. Чтобы хоть как-то отвлечься, он достал свою сумку и начал перебирать инструменты, распахивая по кармашкам буравчик с ручкой, прорезиненную ленту, острогубцы, проволочную отвёртку, плоскогубцы, кипы бланков для телеграмм, чёрные карандаши, телефонный стержень для заземления, резиновый клей, перочинный нож и ключ для разборки телефонной катушки. Сама катушка Константина лежала рядом, накрытая брезентом. Это был его вечный груз, груз ответственности за жизни десятков и сотен солдат.

– Михеев, 13-я гвардейская стрелковая дивизия, да, противник... – Миша упорно твердил какие-то отчёты о позициях, передислокации, количестве людей и тому подобное. – Повторите! Повторите! – Его хрупкая спина так сильно наклонилась, что казалось ещё немного, и он уляжется на стол.

– Так вот, Бек, знаешь я откуда? А я из Крупянки, с Омской области. Слышал о такой? А у меня там жена, дети, дом там у меня, понимаешь? Понимаешь, о чём я говорю? Дом! Дом там у меня!

– Аңладым. По-ни-маю.

Что нужно красноармейцу для счастья? Дом – три буквы, одно слово, а сколько радости и тёплых воспоминаний! Губы Константина беззвучно шептали по привычке, как в документах: «Казахская ССР, Семипалатинская область, Ново-Шульбинский район, село Жерновка». И таких, как он, было много. Шагаешь в окопе, в строю, едешь ли в грузовике – все шумят, галдят, общаются, но вдруг некоторые застынут, словно мелькнёт что-то перед глазами, обрушится пред ними неведомая пелена и начинают шептать адреса, как умалишённые. И смотрели на таких по-разному: кто с пониманием и сочувствием, кто с усмешкой, это, как

правило, были детдомовские. Но большинство просто отворачивалось. Им было неловко смотреть на товарищей в такие минуты. Вывел Константина из такого же оцепенения его напарник.

– Приём, слышите, говорит... Снова порыв, Костя! Костя, очнись!

Дверь отворилась, и вошёл командир дивизии – Соловей Николай Матвеевич, строгий мужчина лет сорока, с высоким лбом и крупным, вытянутым вперёд носом. Две продольные морщины пересекали его лицо от ноздрей до кончиков губ, а светло-русые волосы были настолько жёсткими, что покрывали череп равномерным слоем. Невозможно было выделить даже одной своевольной пряди. Складывалось ощущение, что не только солдаты, но и шевелюра под его начальством чётко понимала слово «дисциплина».

– Связи нет – значит, давайте, мигом обслуживать! – зазвучал прокуренный голос капитана, – до утра ждать нельзя! Только налёт пережили, кто знает, может не последний за эту ночь. Костя, вперёд! Ещё один твой выход, потом отдохнёшь и сменишь Мишу. Бегом, бегом!

И Константин, схватив свою сумку, нырнул в распахнутую темноту.

В такое время меньше всего думалось о войне: вспоминался дом, тишь ночного поля, тюки с сеном, весёлые шутки и мечтательные, с лёгкой ноткой грусти, песни товарищей...

В комнате страны Советов темно. И вот простой тракторист в колхозе, сельский парень, баянист и душа компании царапает руками зыбкую пустоту, и каждый шаг утягивает в болото, сгущая чёрные краски... Всё родное и привычное осталось там, за тяжёлыми и скрипящими ставнями июня 41-го года. Когда же их откроют?

Константин нащупал в кустах спрятанный провод, осталось найти место порыва. Сколько километров придётся ему пройти? В уставших за двадцать два выхода ногах мерно перекачивалась тупая, ноющая боль, так хотелось просто лечь на траву, отбросить тяжёлую катушку и уснуть. Уснуть. Забыться. Исчезнуть. Что угодно, лишь бы не видеть этой истошающей, изломанной судьбы человечества.

И в памяти всплывали детские игры в красноармейцев, когда ватага мальчишек хватала длинные с обветшавшей корой палки, ломала ветки, чтобы они стали похожими на небольшие подобия пистолетов. И мчался он с товарищами вечерами по пыльной улице, махал деревянной «шашкой», пел простенькие песни и неистово свистел.

Война идеализировалась. Война воспринималась как весёлое приключение, задорная игра и взрослая авантюра. Ведь что страшного в том, чтобы тыкнуть палкой вон в того мальчика, с костлявой грудью, пышными бровями и шрамом на щеке? Или вот, идёт девочка в синем платице с едва заметной заплаткой, как забавно внезапно выскочить из кустов и крикнуть пулемётное «тра-та-та-та»?

Так было после войны с немцами в 1914 году, так было после войны с белогвардейцами. И с чувством знобящего ужаса Константин понял: и после этой войны всё будет как прежде. Уже другие мальчишки будут, сами того не понимая, «рубить» с локтя «немцев», «белых» и иже с ними. И главное – смеяться, смеяться, смеяться! Дружным хохотом зальётся каждая улица страны, и красные весёлые песни потекут, сплетаясь с детским улюлюканьем! И, быть может, сверху на

этот беспредел будет смотреть Бог, удивляясь пусть и весёлой, детской, но всё же жестокости, которую им привило время.

Константин нырнул на дно воронки, оставленной после какого-то снаряда, руки впервые за долгое время дрожали. Он устал. В жизни каждого наступает такой момент, когда становится невыносимо волочить свою ношу. И дело вовсе не в тяжёлой катушке на спине. Если бы человеку приходилось тащить только моток проводов – он был бы неизменно счастлив...

Его взгляд устремился ввысь. Могильная луна освещала тёмные облачные массивы, бороздившие усталое от гула самолётов небо. Константин вдохнул полной грудью: прохладный воздух сырой земли приятно щекотал ноздри. Где-то вдалеке слышался голос ночных птиц, он заметил это только сейчас. А вдруг... он видит это последний раз? Двадцать третий выход за сегодня. Двадцать третья возможность не вернуться.

Дрожь прошла, нужно идти дальше, искать разрыв...

– Leiser!¹ –

Лезвие грубой немецкой речи и тяжёлых шагов разорвало сумрачное спокойствие. Всё стало враждебным: яркая Луна, срывающая спасительную тень, словно кожу, запах земли, от которого хочется чихнуть... Константин вжался грудью в воронку с такой силой, словно хотел срастись с израненной землёй, и каждый звук в этот миг стал жизнеопределяющим. Он осторожно выглянул, приметил у кабеля двух немцев и юркнул назад.

Видел ли он их лица? Нет. В такие моменты не приходит и мысли рассмотреть противника.

Люди ли они? Да. Но сейчас это не имеет значения. Секунда пустоты. Секунда замирания сердца.

«Раз».

Взгляд на небо

«Два».

Пальцы окаменели.

«Три».

Выстрел.

¹Тише!

VIOLIN

Если бы вы встретили Василия Николаевича на улице, то приняли бы его за предпринимателя средних лет, не успевшего забрать свой автомобиль из сервиса, а потому и обречённого идти пешком.

Если бы вы встретили Василия Николаевича в элитном вечернем баре, то он показался бы уставшим мужчиной, чья жизнь наполнена исключительно ненавистной работой, двумя детьми, женой да кошкой. Заглянувший в его лицо посетитель или бармен предположили бы и существование собаки. Но, подумав, решили бы, что при наличии жены от собаки он, вероятно, отказался.

Увы, предположениям этим подтвердиться не удавалось. Разве что собака была. Обычный золотистый лабрадор, которому по характеру, несмотря на покусанные туфли, до образа ненавистной жены ещё расти и расти. Испорченную обувь, по своему обыкновению, Василий Николаевич выкидывал, благо заработок был приличный. А вот с собакой совесть поступить так не позволяла. Поэтому он тщетно пытался её образумить. На какое-то время это срабатывало, как и с его студентами. Но вскоре всё становилось на круги своя. Туфли погрызены, студенты болтают, а жизнь настоятельно требует чего-то нового. К сожалению, покупать новую жизнь, в отличие от обуви, Василий Николаевич ещё не научился.

Выход из столь затруднительного положения всё же был найден. И преподаватель культурологии в возрасте тридцати шести лет покинул место работы в свой законный отпуск, отправившись навестить коллегу в одну деревню, название которой, если спросить жителей его города – все произносят по-разному.

Поэтому сейчас он сидел в мягком и уютном кресле где-то в северной провинции и смотрел на своё отражение в графине. Вина в нём уже не было, да и не ради алкоголя он приезжал в эту Богом забытую глушь.

Из серебряного графина на него смотрел человек с золотистыми волосами и лёгкой улыбкой. Нос у него был до того ровной и красивой формы, что вызывал зависть у всех, заставляя игнорировать финансовые и карьерные успехи его обладателя.

Из-за собственного носа Василий Николаевич терпел не раз как лёгкие неудачи, так и травмы. Его хорошенькую и умную физиономию одноклассники в школе постоянно хотели «раскрасить» после уроков. Учителя волей-неволей обращали на него внимание, отмечая его красоту сызмала. Казалось бы, в этом можно было найти неплохой рычаг на школьную успеваемость, но пользоваться своей красотой у него не доставало ума или способностей. Из-за носа его попытки списать были обречены на провал. Более того, уже непосредственно в процессе защиты своей работы на соискание кандидатской степени ему, как назло, попался эксперт из южной части России. Крупный нос у него был горбатый, и, видимо, стал причиной многих комплексов. Однако обошлось всё в меру благополучно.

Его руки были длинными и заканчивались широкой кистью. Не приспособленные от природы для бумажной работы, они белым пятном торчали из его коричневой рубашки. Но обстоятельства природу поправили, и эти могучие руки теперь с лёгкостью делают самую рутинную работу на кафедре.

Отражение заёрзало в кресле, и белая рука отодвинула графин с кофейного столика на соседний низкий, квадратный стол, на котором возвышалась Эйфелева башня – бутылка красного вина. Ломоть сыра был тут же, словно нарезанный Лувр в компании лимона и чаши с зеленью. Чуть поодаль от этой долины на столе располагались человеческие ноги в серых домашних штанах, белых носках и в таких же тапочках.

Неожиданное появление ног явно не нравилось ни столу, ни близлежащей еде. Особенно сопротивлялся стол. Ноги постоянно елозили на нём, словно страдая от твёрдости занимаемой поверхности. Однако обе стороны не желали сдаваться. Ноги то и дело меняли своё положение, а мебель упорно не желала смягчаться.

На судьбу интерьера и ног своего коллеги неожиданно повлиял Василий Николаевич. Он встал, прошёл по пышному ковру со всей резвостью, на которое было способно его тело, взял с лилового дивана подушку. Затем подложил её старику под ноги, круто развернулся и сел вновь в своё кресло. Василия Николаевича ноги уже давно не смущали. Стол остался относительно доволен достигнутым компромиссом, а подушку никто не спрашивал.

– Вы бы вина налили в графин, Константин Павлович. А то ведь как-то нехорошо из бутылки то...

– Да ну, вино это, мне может не до вина, – тело на соседнем кресле зашевелилось, закуталось в бордовый халат, закрыло глаза и накренилось набок. – Я, может быть, помирать собираюсь.

– В смысле помирать, Константин Павлович? Да... да вы что! Что с вами, Константин Павлович?

Но старик не отвечал.

Кандидат вскочил, отряхнулся от вечной своей апатии, и убежал в другую комнату. Через минуту он притащил какой-то ящик с таблетками и начал что-то выкладывать.

– Так, это – не то, и это – не то, – таблетки начали сыпаться на пол, – да где же ваши уколы!

На ковре начала образовываться значительная горка из лекарств, перчаток, бинтов и всяких склянок. Если бы вздохи, причитания, ругань и панические возгласы, издаваемые Василием Николаевичем, имели материальное воплощение, то эта кучка уже бы давно дотянулась до потолка.

Когда Василий Николаевич убежал вновь, старик открыл один глаз. Осмотрел комнату, лекарства и потянулся к бутылке с вином. Едва он сделал глоток, как его бывший ученик прибежал с ещё одним ящиком, уселся на пол и стал отчаянно перебирать вновь.

В мыслях Константина Павловича не было порядка. И многие его идеи претворялись в жизнь в момент первого появления их в голове. Он хотел пошутить. И шутка удавалась. Ему, с одной стороны, было жаль своего бывшего ученика. Он искренне переживал за его здоровье. Но с другой стороны, он давно не видел его таким оживлённым. И это ощущение пробуждения человека, чью жизнь он видел как на ладони многие-многие годы, вызывало на лице семидесятипятилетнего профессора улыбку, увеличивавшуюся в своих размерах по мере крепости высказываний Василия.

Его грудь начала вздыматься, сжатая бежевым свитером с высокой горловиной, сильные, но высохшие руки, оплетённые венозной сетью, ещё крепче сжали бутылку с вином. Раздался смех.

Василий Николаевич вздрогнул, резко обернулся и уставился на своего профессора, который ничего не стесняясь, заливался смехом на весь бревенчатый дом.

– Да что же вы! Издеваетесь? Вам весело, да!?

Константин Павлович успокоился, и просто улыбался. Морщины лишь добавляли его лицу выразительности. Широкие и густые усы плавно переходили в пышную козлиную бороду, на которой свисали несколько красных капель.

– Конечно, весело! Чего же тут грустить! Я бы на твоём месте тоже посмеялся. Видишь, как всё обошлось. Да я живее всех живых! Рановато меня хоронить будет. Думал, помираю, а я вон, живой! Не Богу представлен, а тебе!

– Бросьте вы дурачиться, – Василий пнул какой-то моток с пластырем. – Шутки здесь не уместны. Со смертью вообще шутить нельзя.

– Так ты ничего и не понял в свои тридцать шесть лет, оболтус.

Василий Николаевич вздохнул, сгрёб все лекарства в охапку, кое-как их уложил вновь и потащил опять в глубины дома. Он прекрасно понимал, что старик в своей голове вновь возвращается к теме их спора. Самого философского спора – спора о жизни и смерти.

Он вышел на улицу и вздохнул полной грудью. Солнце ещё высоко. Открыв свою дорожную сумку, он вытащил две бутылки. Затем зашёл на кухню, откупорил их и задумался.

Для него всё было ясно. Он не видел своего будущего. Он не видел ни семьи, ни дальнейшей карьеры. Он ослеп духовно. Он был бодр телом, но душа его канула в бесконечный сон без сновидений. И кто только не пытался потревожить это блаженное неведение – религия, друзья, подруги, наука, путешествия... всё без толку. Рука со штопором дрожала. Он ощущал смерть. Старик её не видел. Или не хотел видеть, тут не узнаешь наверняка. Широкими шагами Василий вернулся в гостиную, уселся в кресло и повертел обе бутылки с суровым видом.

– Вы бы лучше это оценили, – кандидат поставил на стол одну из бутылок, на золотистой этикетке было красными буквами написано «Violín». Другую оставил в своих руках. – Специально для вас из Испании заказал.

– Губа не дура. Пригублю.

Константин Павлович обхватил горлышко бутылки, и по обвисшей шее старика заходил кадык, словно поршень в двигателе. Затем он поставил бутылку на стол, переложил одну отёкшую ногу на другую и провёл рукавом своего халата по бороде. Капли слились в одно целое с его бордовым одеянием. В комнате воцарилась тишина.

Каждый думал о своём. Молодой человек – о смерти. Старик – о жизни. Как это парадоксально! Им бы поменяться мыслями, и всё встанет на свои места. Так бы они и сидели до вечера. Неразговорчивые, но с вином в желудках.

Неожиданно Константин Павлович покрутил пустую бутылку в руках, а затем замер и внимательно уставился на неё, словно увидел призрака.

– Violín! Скрипка!

– Что? – захмелевший Василий Николаевич грустно посмотрел на старика.

– Скрипка же!

– Ну, и что?

– Ай, ничего ты не понимаешь! – стол устало закрипел, подушка соскользнула на пол от радости и профессор вскочил. Шаткой походкой он направился к шкафу и начал в нём что-то судорожно искать.

На пол первыми упали какие-то книги, альбомы, поломанная трость, халат. Упала деревянная статуэтка орла. На халат полетел бюст Цезаря и Ленина. Последний Константин Павлович поспешил поднять и водрузить на место. Затем он стал вытаскивать контейнеры, в которых лежали пластинки. Наконец, он достал какую-то чёрную деревянную коробку.

Со странной улыбкой, отображавшей не то боль, не то радость от пережитого, он поставил её на стол, вытер подолом халата пыль и пододвинул своё кресло ближе к столу.

– Это то, что докажет тебе правильность моих мыслей, выведет тебя из оцепенения, Василий! А теперь – внимание, что в чёрном ящике?

Кандидат культурологических наук косо взглянул на стол. Вид чёрного ящика его пугал. Он был нестандартной формы. Вытянутый шестигранник. Он задумался. Он любил загадки с детства.

Что мог ему показать учитель? Тома философии? Но для них такой ящик не нужен. Картины? Возможно. Его преподаватель любил рисовать. Зачем такой ящик?

Василий Николаевич встал и подошёл ближе. Он осмотрел крышку, затем торцы и увидел две ручки с одной стороны. Точно такие же были на другой.

– Так это же гроб! Маленький детский гроб! На кой вам сдался гроб в шкафу?

У него мелькнула мысль, что он грубо выразился. Вдруг у его профессора умер ребёнок в младенчестве? А он так... да не может быть.

– Ну, да, так и есть. Но что в гробике? – ухмыляясь, спросил старик.

– Вы точно решили меня извести. Не знаю я, кого вы там храните.

– Дурень!

Профессор открыл крышку и там, на красном бархате лежали фотографии с каким-то мужчиной, ноты и скрипка. В общем, ни о каких останках и речи быть не могло.

– А вот теперь слушай меня внимательно!

И его учитель начал говорить.

– Я в этой деревне уже десять лет и знаю здесь всех и каждого. Она вымирает. Поэтому моя память не сильно переполнена лицами, именами и фамилиями. Мне порой даже нравится вспоминать каждого в деревне. Тех, кто ещё здесь и тех, кого уже нет. Последних вспоминать даже немного приятней. В этом есть смысл и для меня и для них. Я подвожу какие-то итоги их опыта, квинтэссенцию их жизни. А они икают на том свете и думают: «Вот, не забыли же меня грешного ещё на земли». Хе-хе. Ты видел кладбище на выезде?

– Проезжал, – теперь уже Василий Николаевич положил ноги на стол и вытянулся.

– Там сторожка стоит. Ну, как сторожка. Даже больше. Для меня в особенности.

Старик откашлялся, отпил из бутылки, взял кусочек сыра в руки и продолжил.

– С пяток лет назад жил там мужчина, лет тридцати, Мицкевич Александр Владимирович. Русский с польскими корнями. Хороший был человек. Тоже не коренной, как и я. Из Москвы приехал. Щупленький был. Ну, к нам не часто приезжие заглядывают. В основном это или родственники чьи-то или такие же, как я, которым города надоели. На природу хотят поглядеть, от суеты уединиться. Да и те в основном люди не молодые. Что здесь молодым делать то? Нечего. Ни заработка тебе большого, ни карьеры. Даже веселиться особо не с кем. Молодых в деревне нет. Вот все и всполошились, зачем он сюда приехал?

– Видел я его часто, – продолжал Константин Павлович. – Прогуливаться ходил, вот и оказывался порой у кладбища. Обычный паренёк, и нет в нём ничего особенного. Руки, ноги, голова – всё в полном комплекте. Гладко был выбрит всегда, причёсан. Вот в одну из прогулок и заглянул к нему. Смотрю, а он не просто кладбище сторожить решил. Сидит, ящики колотит, для почивших. Он и сторожем был и гробовщиком, оказывается. Похоронных дел мастер. Пить – знаю, что не пил. Хотели к нему наши любители-рабочие заглянуть, распить на троих самогон. Так он перед ними дверь закрыл да пригрозил ещё, что гроб им не сделает, если дальше будут злоупотреблять. Так и не трогал ни его никто, ни он никого.

– А вы что же? Тоже им не интересовались, Константин Павлович? А?

– Хе-х, а как же, интересовался, конечно. Приглашал его к себе побеседовать. Мол, оба столичные. Есть о чём поговорить. Он отказывался, правда. До одного случая.

Сыр в руках профессора уже начал подтаивать. Маслянистые пальцы заставили Константина Павловича отвлечься от рассказа и ненадолго вернуться к еде.

Он глазами указал Василию Николаевичу на фотографии. Белые руки потянулись к ящику и взяли пару фотокарточек. Профессор оживлённо закивал и пробормотал что-то невнятное, выражающее правильность выбора.

На первой стоял высокий худощавый человек в шляпе с козырьком, которую носят или деревенские рабочие на ленинский манер или таксисты в городе. Лицо его было узкое и

лупоглазое, словно ему неожиданно сказали, что он обладатель крупного состояния за границей, а затем облили ледяной водой в январские морозы. На заднем плане стояли сколотые на обычный манер ящики, без изысков. Вагоны в последний путь, на который и билеты то выдают бесплатно.

На второй фотокарточке была видна похоронная процессия. В яму укладывали гроб, причём гроб добротный, с обилием фасок. В центре был старательно вырезан крест с узорами, а также ноты. Какой-то мужчина опускал в яму аккордеон болотного цвета, видимо, по воле покойного. Толпились люди – близкие покойника. Среди них был и молодой человек, державший в руках свою шапку и почему-то в чёрном фраке. Неожиданный контраст. Василий Николаевич бегло взглянул на остальные фотокарточки. Везде молодой человек был печален или угрюм. В крайнем случае – безразличен.

Послышалось шебуршание. Константин Павлович вытер маслянистые руки о свой халат и протянул ученику другую фотографию

– А теперь взгляни вот на этот снимок, видишь разницу?

Казалось бы, ничего не изменилось. Та же сторожка, те же гробы, притуленные к стене, пара лопат в углу комнаты. На ветхом рабочем столе валяются инструменты, какие-то доски и прочий мусор. Только на кровати сидел цветущий молодой человек с улыбкой на лице. Одна его рука сжимала смычок, вторая удерживала скрипку. Своеобразный щит и меч культурного человека. Кто бы мог подумать, что это всё тот же Александр Владимирович?

Василий Николаевич никогда не верил в то, что человек может измениться. Людей он принимал за статуи, которые будучи уже один раз слепленными могли корректироваться только через разрушение, смерть. «Горбатого могила исправит» – думал в таких случаях кандидат в сфере культурологии. И всегда он считал это правило не подлежащим сомнению. Этим он оправдывал свою апатию, среднестатистическую жизнь, лишённую света и тех благ, на которые вправе претендовать любой человек. Оправдывал собственную никчёмность.

Губы культуролога вздрогнули. Улыбка разочарования промелькнула на его лице солнечным лучом и исчезла в тени тучных мыслей. Он смотрел на это счастье гробовщика-музыканта, видел в нём соперника, победителя, личность доказавшую никчёмность его взглядов.

– Где же он раздобыл скрипку? Откуда чувство музыки у этого человека? – зависть зазвучала в голосе кандидата. – Он же сельский могильщик!

Старику надоело сидеть. Он поднял своё жилистое тело и улёгся на диван – его любимое место в доме. Серые глаза устремились в потолок, покрывшийся тёмными пятнами разводов. Он чувствовал, что наступает самый ответственный момент, когда корабль жизни его ученика наконец-то поднимет якорь.

– Ты знаешь, Василий Николаевич, он ведь оказался музыкантом. Да-да. Сельский гробовщик, оказывается, не так прост. Заглянул он ко мне всё же разок. Я его библиотекой заманил. Вижу же, что человек интеллигентный, вот и подарил я ему пару-тройку книжек. Кажется, забрал он у меня «Слеплого музыканта», «Идиота» и что-то ещё... запомнил. Взамен о жизни своей мне рассказал. Он окончил консерваторию, поработал несколько лет в каких-то

оркестришках, помотался по городам. В общем, по миру пошёл. Состояния у него не было никакого. Ничего за душой, понимаешь? Ничего родные ему не оставили, а нажить сам ещё не успел. Уже чудо, что образование получил. Говорил, что добрые друзья помогли и учителя.

Воцарилось недолгое молчание.

– И ты слушаешь его, а голос у него, знаешь, тихий-тихий, – продолжал Константин Павлович. – Не прикрикнул он бы тогда на рабочих с самогоном – в жизнь бы не поверил, что вообще может на крик перейти. Ну, так вот, чуть не забыл самое главное сказать – ему пришлось в переездах продать свои музыкальные инструменты. Понятное дело, первым ушло старенькое фортепьяно и немного расслоившаяся гитара. В счёт долгов и чтобы переехать в эту деревню отдал он и скрипку за какую-то смешную сумму. По его словам, он не сильно сожалел. Не сильно любил музыку. И сложилось у меня ощущение, что говорил он это не для меня, а для себя.

– Куда удобней, Василий Николаевич, лишившись вещи, убеждать себя, что она не сильно то и нужна! Ты встречал калек, которые без ноги, руки, уха или чего-либо ещё усиленно доказывали, что им так даже удобней? Дескать, с одним глазом можно второй не прищуривать, без одной ноги меньше видно кривизну второй и тому подобное? А вот есть такие люди! Люди, лишённые счастья, а потому вынужденные искать его в несчастье. Я таких людей вижу. Грустное зрелище. Долго думал, как поступить, собирался с мыслями. Вдруг я ошибаюсь? Но когда хоронить стали местного аккордеониста, убедился в правоте своих мыслей окончательно. Ты заметил, какой гроб был красивый? Резьба качественная, декор, сукно в гробу недешёвое. А ведь до этого случая он никому такие ящички-постельки не строгал. Не выдержал я и заказал для него скрипку из столицы. Ну а дальше... вручил. Вот и всё. Он пробыл ещё полгода, а потом уехал. Перед отъездом Александр подарил мне этот забавный короб с моим же инструментом, вложил фотокарточки. Хороший парень. Сказал, что я вновь сделал его зрячим, открыл его собственную молодость. Скрипка оказалась ему больше не нужна. Она была лишь ключом, которая открыла душу. А запирать он её не собирался. Человек воскрес! Или как хочешь это называй, но в моих глазах это именно воскресение, пробуждение от смерти где-то там, изнутри.

Старик вздохнул, посмотрел в изумлённые глаза своего ученика и покачал головой.

– Что тебе смерть телесная, Василий? Телу смерть не перебороть. По крайней мере, не в нашу с тобой эпоху. Ты прав, она рядом. Но не в тридцать шесть лет её готовиться встречать! Это ерунда! Оболочка исчезнет, а дух то останется! Вот и витают потом те, что получше, где-то в эмпирее. А другие – где придётся. Хотя, я вижу, тебе дух умерщвлять свой нравится. Только и тело ты не стараешься беречь! Ты найти свою «скрипку» вне бутылки не желаешь. Вино то хорошее, спору нет, да что с него душе толку? Ох, что-то разговорился я...

Василий Николаевич смотрел на нервного учителя. Тот укрывлся пледом по горло и покашливал в свой кулак. Что было ему делать?

– Поезжай, Василий Николаевич, – старик пытался говорить в перерывах своего припадка. – Поезжай, говорю тебе. Оставь меня с самим собой. Бог тебе судья, не я. Собаку только свою себе не уподобь. Она-то умная, понимает, что жизнь не в чистых туфлях измеряется.

Старик замолчал, отвернулся к спинке своего дивана, заворочался и глубоко вздохнул. Вместе со стариком вздохнули стены, низкий стол, кресла и прочая мебель. Вздохнул весь дом, провожая Василия Николаевича в его жизнь. Вот только в жизнь старую или новую? Слишком много вопросов, а ответов ещё не выдали.

Он направился по направлению к автовокзалу. Ему хотелось домой, к своей собаке, к своим студентам. В свою обитель. Так уж устроен человек, что, даже осознавая пагубность своего комфорта, его всё равно туда влечёт.

Его глаза устремлялись вдаль. Он не смотрел по сторонам. Его не интересовала деревенская жизнь. А было на что посмотреть. Поверни он свою голову хотя бы чуть-чуть, жизнь замахала бы ему рукой. Звучал смех. Повсюду играли дети. Листья деревьев блестели серебристой пенкой собственного сока на солнце. Где-то рядом пролетела стая мелких птиц. Это весна! Это сама жизнь шагает по планете твёрдым шагом, возвещая эпоху своей империи!

Он бы уехал отсюда с таким же ощущением апатии и безысходности, с каким уезжал уже не раз. Ему было знакомо это чувство. Всё идёт по знакомому сюжету. Главное перетерпеть ещё минут пять, не останавливаться и не смотреть на окружающую красоту истинной жизни.

Он бы уехал отсюда с таким же ощущением ненависти. Ненависти к себе, к старику, которого в глубине души всё же любил. Ко всему живому, что живо иначе, не как он. Почитая себя особенным и уникальным в жизненных ориентирах, он хотел спрятать очевидность своего проигрыша и не любил, когда сшутую им искусственную ширму срывали, даже если это делал учитель.

Он уехал бы собой.

Если бы луч света не выстрелил ему в глаза всей своей фотонной обложкой откуда-то справа. Он повернулся. От могильного креста на кладбище отражался солнечный свет. Свет резал глаза, и Василий Николаевич остановился.

Этот был бой, бой между Я-грядущим и Я-настоящим. Между Жизнью и Смертью. Обычно это говорят, когда люди лежат в операционной. Но какая разница, какие лампы светят в лицо – больничные или солнечные?

Культуролог осмотрелся. Кладбище располагалось рядом с лесом, и необычайный воздух ворвался в лёгкие Василия Николаевича. Он остановился полюбоваться красотой. И это была маленькая победа Жизни.

Вдруг он увидел ту самую сторожку. Среди крестов, плит и железных оградок стоял маленький домик. Крыша давно прохудилась, а стены были покрыты не то мхом, не то грибами. Ржавые петли скрипели на лёгком ветре.

Можно было подумать, что у этого спектакля не было зрителей. Вокруг ни души. Лишь одинокий дятел где-то неистово долбил высокое дерево. Но за Василием Николаевичем следили.

Сотни лиц с гранитных плит смотрели на становление нового человека, новой души. Кресты, было бы их желание, повернулись своими растопыренными руками к человеку, чтобы стать свидетелями рухнувших оков трусости и внутреннего деспотизма. И он вошёл в сторожку.

Здесь было сыро. Ветхий стол разломался пополам под тяжестью гнилых заготовок. В углу также стояла лопата, покрывшаяся ржавчиной. Сколько ям было ею вырыто. А сейчас смотришь на неё, и, кажется, копьёшь разок-другой, так она согнётся как проволока.

Но больше всего привлекла внимание Василия Николаевича кровать. Ветхий матрас, мокрый и испревший, он растекался однородной массой по железному каркасу. То, что когда-то было уютным, вдруг стало отвратительным и мерзким. Он заглянул под матрас и увидел ящики с банками солений. Только их содержимое уже сложно было установить. Толстая корка плесени занимала две трети каждой банки. Он увидел не просто заброшенный дом. Он увидел собственную душу.

Его глаза не выдержали этого уродства, этого царства разложения и мертвенной тиши. Он выбежал из сторожки, хлопнул скрипучей дверью так, что кусок крыши шлёпнулся на сухую землю и побежал в лес.

– Жить! Жить! Жить! – кричал Василий Николаевич.

И эти три слова были манифестом. Манифестом нового человека, бросающего вызов индустриализации, потребительству, бетонной решётке и самому себе.

Через месяц, приняв новые истины и взгляды на жизнь, он решил отправить посылку Константину Павловичу. В неё входили научные журналы, монографии и письма от коллег. Своего адреса старик не любил открывать всем и каждому.

Но в этот раз Василий Николаевич вложил ещё одно письмо – свою небольшую исповедь. Он представлял довольное лицо наставника, который смотрит в бумагу и видит ростки тех семян, которыми он засеял душу своего ученика и последователя.

Через пятнадцать дней посылка была возвращена отправителю.

Карфаген

Непонятый, несчастный Карфаген,
Разрушенный кровавой нитью рот!
Однажды я, взглянув на гобелен,
Очнулся в глубине его когорт.

Вокруг лишь кровь и мёртвые слоны,
И от гниющей плоти сводит дух.
Я погружаюсь в ужасы войны:
Знамёна образуют сотни мух...

Там, в африканской темноте песков,
Среди щитов, и бивней золотых
Я вижу смерть костлявых городов
И смерть свою, в глазницах роковых.

Земля пьёт жадно алое вино,
Стираются границы крепостей!
Распахнуто забытое окно
И кашляет охранник у дверей.

Закрыт музей, меня давно в нём нет,
И разум застилает тошнотой.
Произношу дарованный обет:
«За Карфаген стоять любой ценой»!

Непонятый, несчастный Карфаген,
Разрушенный кровавой нитью рот!
Однажды я, взглянув на гобелен,
Очнулся в глубине его когорт.

На север!

Забери меня! Прочь из города, прочь!
Не в Москву! И не в Питер! Не в вашу Америку!
А туда, где сияньем покрыта вся ночь,
И где лёд пристаёт к смолы цвета берегу.

Забери меня! Прочь от холодных людей!
Я так стужу люблю, но в природе, не в сердце.
Океан полный льдов бороздит мира змей,
И дыханье ветров мне маячит из дверцы.

Если сможешь - открой! Посмотри... океан
Заблудился, на собственных волнах вздыхая...
Почему-то считают, что в сказках обман,
И не помнят чертогов забытого рая.

Говорят, что в снегах не находят любви.
Говорят, серый холод чувства разрубит.
Посмотри на людей, посмотри и замри
Мысли сердца никто, никогда не погубит.

Для чего люди в мире нужны?
Неужели чтоб жить и править?
Корабли у причала ставить
Или нефть добывать с глубины?

Для чего люди в мире нужны?
Тишина, я не жду ответа.
В человеке источник света
Отрицает шум темноты.

Открываться для встречных-чужих,
В этом видимо цель людская.
Я теперь разум свой заклинаю,
Научившись, учу других.

Почему люди только плачут?

Говорят, тёмной ночью воют
Только волки в лесах забытые.
Ведь они ничего не скроют,
Их сердца для Луны открытые!

Почему люди только плачут?
Небо ночью не слышит воя?
В голове чьи-то мысли скачут,
Расщепляя тоску прибоя.

Да, не слышит, Луна-глухая!
Стоны наши – пустые звуки.
Нам родня лишь стена немая!
Жаль, что к ней не протянешь руки.

Кто-то плачет, кричит в подушку,
Ниспадая в глубины мрака.
Воет волк, он попал в ловушку,
Человек ждёт иного знака.